

На правах рукописи

ХВАТОВА Марина Борисовна

**АНТИНОМИИ ВЕРЫ И ПРАВСТВЕННОСТИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Специальность: 09.00.05 – Этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Иваново - 2021

Работа выполнена на кафедре культурологии и изобразительного искусства
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал

Научный руководитель: **ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», профессор Департамента гуманитарных наук

Официальные оппоненты: **БИРИЧ ИННА АЛЕКСЕЕВНА**
доктор философских наук, доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», профессор Института гуманитарных наук

АБРАМОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», доцент кафедры истории и философии

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт культуры»**

Защита диссертации состоится «17» июня 2021 г. в «13-00» часов на заседании Диссертационного совета Д 212.062.08 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 155908, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7, корпус №1, к. 108., и на официальном сайте университета: <http://ivanovo.ac.ru>

Автореферат разослан: «___» _____ 2021 года

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат культурологии, доцент

М.Ю. Алексеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В традициях отечественной религиозной философии центральное место занимают вопросы *духовного бытия человека*, среди которых – взаимоотношение Бога и человека, веры и разума, религии и морали, церкви и культуры, религиозного откровения и его человеческого понимания. Особенность русской философии в том, что эти вопросы всегда носят проблемный и антиномичный характер, что и отличает философскую мысль от богословия.

Богословские критики религиозной философии всегда это отмечали. Например, крупный церковный ученый А.В. Карташев называл философствования В.С. Соловьева в области всеединства и софиологии «логической иллюзией» и «философским самообманом». В то же время он говорил, что религиозное откровение неисчерпаемо и «есть предмет бесконечного постижения для тварных умов» и что «лишь глупцам кажется, что все ясно и не нужно никакой философии». А «всякая глубокая философия, – с его точки зрения, – антиномична. *Антиномично и православию*»¹.

Мы полагаем, что среди антиномичных философско-богословских вопросов одним из первых является вопрос о *взаимоотношении веры и нравственности*. Причем этот вопрос имеет двойное измерение: с одной стороны, это историческая философско-богословская проблема, а с другой – актуальная в контексте духовных реалий современной жизни и культуры.

В историческом ракурсе христианской традиции чаще всего имеет место отождествление этих понятий. Значительный *духовный синтез веры и нравственности* был характерен для патристической традиции, которая была глубоко воспринята русской культурой. Однако этот синтез, возникший благодаря христианизации Руси, не лишен, конечно, определенного драматизма. Известный исследователь А. М. Панченко в статье «Красота Православия и крещение Руси» пишет: «Владимир считал, что единению Руси может и должна способствовать единообразная культура, в тогдашних условиях отождествляемая с единообразной религией. Монокультура всегда навязывается сверху и обычно сопровождается насилием. ...Монокультура, как показывает исторический опыт, вообще недостижима»².

Несмотря на это, в этот период был достигнут духовный синтез культуры на христианской основе. Собственно, проблемы в духовной сфере появились в результате петровских преобразований, которые раскололи общество и культуру на два практически противоположных начала. Органика и целостность были нарушены, но в то же время это способствовало пробуждению важных духовных вопросов, решения которых требовало время. И одним из таких вопросов было соотношение веры и нравственности,

¹ Карташев А.В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М., 1996. С. 114, 28, 55.

² Панченко А.М. Красота Православия и крещение Руси // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 324.

которое взывало не только к церковной ортодоксии, но и к философской рефлексии.

Безусловно, есть уровень, на котором вера и нравственность, и соответственно религиозная и этикоцентричная парадигмы, совпадают. Этот уровень имеет скорее отношение к духовно-идеальному состоянию философской культуры; если же посмотреть на реальную историю философской мысли, то необходимо сказать, что и в русской философии есть значительные противоречия между религиозным и нравственным пластами бытия. В действительности существуют значительные проблемы, доходящие до непримиримых противоречий между верой и нравственностью, которые были зафиксированы в отечественной философии. Анализ этих противоречий и составляет актуальность нашего исследования.

Кроме того, необходимо сказать, что современная постсекулярная культура обнаруживает одно достаточно тревожное явление, проявляющееся в том, что, с одной стороны, заметно возрождение религиозности, что является показателем краха идеологии просвещения в области понимания феномена религии, а с другой – очевидно сильнейшее падение нравственности, что многими исследователями фиксируется в понятии «духовный кризис». Это противоречие между *возрождением религиозности* и *падением нравственности* и составляет главный эвристический мотив нашего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о взаимоотношении веры и нравственности вписан в традиционный контекст философии религии, статус которой, по словам известного американского философа Чарльза Талиаферро, в последнее время значительно возрос. Он пишет, что из-за «практической вовлеченности философия религии становится фактором огромного политического и культурного значения. Встают вопросы об отношении между религиозными и секулярными ценностями, религиозной толерантностью и свободой, религиозным обоснованием и деятельностью в области медицины, экономики, искусства, образования, половой этики и ответственности за сохранение окружающей среды»³.

В этом контексте находится исследование русской философии, которое в последние годы вышло на новый качественный уровень. Появились работы, в которых раскрыты неизвестные пласты отечественной философской традиции, связанные с оригинальным прочтением ряда имен и текстов, глубокой реконструкцией базовых философем, выявлением взаимовлияния русской философии и русской литературы и культуры, определением места русской философии в контексте мировой философии, исследованиями зарубежного философского россиеведения и т.д.⁴.

³ Талиаферро Ч. Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней. М., 2014. С. 17.

⁴ Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: РХГА, 2017; Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014; Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Изд-во РХГА, 2017; Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М.: Инфра-М, 2012; Оболевич Т. Семен Франк. Штрихи к

При этом ведущей является точка зрения, высказанная многими авторитетными авторами, в том числе о. Александр Мень говорил о *религиозном характере русской философии*, что и составляет ее главное преимущество, делая ее оригинальной и неповторимой⁵. Однако феномен веры, являющийся субстанцией религиозной жизни, остается, как мы полагаем, вне должного внимания со стороны философии. Преобладает либо откровенная *апология веры* со стороны религиозных адептов, либо радикальная *критика веры* представителями секулярной мысли.

С точки зрения теологии и религиозной философии вера не является философской проблемой сама по себе, проблемой является *обоснование веры* перед лицом иноверия и затем атеистической идеологии. В контексте такой постановки вопроса выделяются наиболее значимые представители русской религиозной философии, среди которых А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, И. С. Аксаков, П. Д. Юркевич, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин и др.

Однако, как мы полагаем, взгляд на феномен веры исключительно в религиозной плоскости исключает ее противоречивый и порой драматический характер и несколько сужает ее духовный и метафизический потенциал. Об этом говорят современные философы-этики. В. Малахов отмечает, что «...вера сегодня поистине становится все более личностной, экзистенциально трудной, морально и мистически рискованной»⁶. В. Фетисов считает, что «Вера проблематична сама по себе. В вере я всегда на вершине противоречия – и "да" и "нет" столкнулись, чтобы породить превосходящее их состояние знающего незнания или незнающего знания»⁷. В. Варава пишет, что «...знание и вера отступают перед экзистенцией, которая раскрывается в нравственном свете философского опыта, потому что *прежде чем знать и верить, нужно сначала быть*»⁸.

Несомненный *синтез веры и нравственности*, и вообще духовной и светской культуры был характерен для допетровского времени. Христианизация Руси означала глубокое усвоение духовных принципов святоотеческого наследия. Современные исследователи пишут, что «Святые Отцы и Учителя Церкви, прежде всего Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин, Епифаний Кипрский, обосновывая мистическое понимание природы бытия, многократно усилили то, что можно было бы

портрету философа. (Сер. «Религиозные мыслители»). М.: ББИ, 2017; Русская философия за рубежом: история и современность: коллективная монография / Под ред. проф. М.А. Маслина; сост. проф. Л.Е. Моторина. М.: КНОРУС, 2017; Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018.

⁵ Мень А., прот. Русская религиозная философия. М.: Жизнь с Богом, 2008. С. 8.

⁶ Малахов В.П. Вера при свете совести // Малахов В.П. Уязвимость любви. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. С. 213.

⁷ Фетисов В.П. Трактат о вере // Фетисов В.П. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. Воронеж, 2011. С. 313.

⁸ Варава В.В. Экзистенция и вера // Варава В.В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013. С. 97.

назвать этическим аспектом древней онтологии, то есть понимание всеобщего бытия как абсолютного добра или блага⁹. Однако секуляризация вызвала много вопросов, среди которых и вопрос о соотношении веры и нравственности.

Среди современных исследований, посвященных вопросам религиозного характера русской философии, в том числе феномену веры, необходимо выделить монографию С. А. Нижникова «Метафизика веры в русской философии», в которой автор показывает, что вера есть искомая цель стремления русской философии¹⁰. На материале русской философии автор рассматривает онтологический, метафизический и антропологический аспекты метафизики веры. При этом здесь нет постановки вопроса о вере как экзистенциальной проблеме в контексте именно русской философии. Вопрос о соотношении веры и экзистенции рассматривается автором в традициях западной философии (онтолого-экзистенциальный статус веры в философии М. Хайдеггера и теологии К. Ранера, демифологизация веры Р. Бульмана, философская вера К. Ясперса и др.).

Важное место в вопросе о соотношении веры и нравственности занимает *вопрос о совести*. К совести всегда обращались наиболее выдающиеся мыслители. Этому загадочному явлению духовного мира человека посвящены поистине лучшие страницы философской мудрости. Единство в признании высшей моральной значимости совести занимает высокое место в контексте отечественной религиозно-философской и литературной традиции. Среди имен, в центре исследовательского и творческого внимания которых была совесть, важное место занимают А. Платонов, В. Шукшин, В. Распутин.

Современная неопределенность духовного бытия культуры вновь заставляет обратить пристальное внимание на этот феномен, который, к сожалению, имеет свойство утрачивать свою значимость и ценность. Это парадокс, и поэтому не случайно, что совесть вновь находится в центре внимания многих авторов. Исследовательский диапазон совести сегодня достаточно широк, и включает такие измерения, как собственно этические¹¹, религиозно-философские¹², психологические¹³, педагогические¹⁴,

⁹ Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб., 1997. С. 14.

¹⁰ Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М., 2012.

¹¹ См.: Апресян Р.Г. Философско-этические установки психологического изучения совести. Ч. 1. Психологические исследования совести // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 38–46; Варава В.В. Свобода vs. совесть: нравственные антиномии «эпохи пустоты» // Проблема «Свобода vs. ответственность» в философско-богословских дискурсах современности. Тез. докл. круглого стола в рамках XXVII Международных Рождественских образовательных чтений / Отв. ред. С.Л. Катречко. 2019. М., 2019. С. 14–17.

¹² См.: Дружинин В.И. Проблемы религиозной философии в контексте сознания, самосознания и совести. Тула, 2019. 108 с.; Дружинин В.И. Отечественная религиозная философия о совести и нравственности современной культуры. Тула, 2019. 177 с.

¹³ Шадриков В.Д. Совесть: психолого-философский анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 5–14.

юридические¹⁵, этимологические¹⁶ и т.д. Вводится даже понятие «совестология» как наука об изучении совести¹⁷.

Среди недавних диссертационных исследований, находящихся в русле интересующей нас проблематики, следует отметить такие работы: Черепова Т. И. Феномен отечественной нравственной философии: этико-философский анализ (Иваново, 2017); Голубева С. В. Нравственные константы в творчестве Николая Васильевича Гоголя (Иваново, 2014); Гельфонд М. Л. Нравственно-религиозное учение Л. Н. Толстого: теоретическое содержание и нормативный смысл (М., 2011); Калугина С. А. Этико-философский анализ феномена сердца: на материале русской философской культуры второй половины XIX – начала XX вв. (Тула, 2008); Омельчук Р. К. Вера как экзистенциальная ценность (Иркутск, 2006); Лосев А. В. Принцип единства морали и религии (Воронеж, 2006); Панова Н. А. Роль интуиции в морали (Воронеж, 2005) и др.

Однако, несмотря на множество исследований, в которых затрагиваются вопросы морали и религии, практически нет исследований, в которых взаимоотношения веры и нравственности, причем именно религиозной веры, ставились бы в проблемном ключе. Исходя из этого, задача нашей работы заключается в том, чтобы проанализировать веру как феномен религиозного сознания в контексте нравственной философии.

Объектом данного исследования выступает нравственно-религиозный дискурс отечественной философии XIX–XX вв.

Предмет исследования – проблема взаимоотношений веры и нравственности в структуре морального и духовно-антропологического опыта.

Цель работы заключается в том, чтобы исследовать веру как феномен религиозного сознания в этически-экзистенциальном аспекте, который обнаруживается у наиболее видных представителей русской философской культуры.

Цель исследования достигается путем постановки и решения следующих **задач**:

- 1) выявить основные нравственные противоречия современной культуры и описать «эру пустоты» в моральных терминах;
- 2) раскрыть противоречие между возрождением религиозности и упадком морали в постсекулярную эпоху;

¹⁴ Ефимова Т.Н. Методическая разработка урока православной культуры по теме «Совесь и раскаяние» // Наука и образование: новое время. 2019. № 1. С. 14–21.

¹⁵ Ряполова Я.П., Снегирева Д.Е. Совесь как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 151–161.

¹⁶ Дмитриева Н.М., Малахова О.М., Пороль О.А., Просвиркина И.И. Генезис семантики этического концепта «совесь» // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7. № 5. С. 28–34.

¹⁷ Егоров А.В. Совестология – наука о культуре совести // Транспортная инфраструктура сибирского региона. 2017. Т. 2. С. 683–687.

- 3) выявить основные модусы взаимодействия веры и нравственности в русской философии;
- 4) показать особенности становления автономной этики в России;
- 5) раскрыть экзистенциальные аспекты религиозной веры;
- 6) показать нравственно-религиозные противоречия личности на примере феномена совести.

Методы исследования. Основу диссертационного исследования составляют методы этического, философско-антропологического анализа, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялись системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод.

При реконструкции религиозно-философских воззрений русских философов были использованы феноменологический и герменевтический методы, с помощью которых удалось раскрыть противоречия между верой и нравственностью в идейных исканиях Н.Н. Гоголя, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова, Л. Шестова, Н.А. Бердяева и др.

Теоретическая основа исследования. В своей работе мы опирались на традиции европейской философии религии, в которой всегда ставились вопросы о соотношении веры и разума, морали и религии, философии и теологии. При анализе этой традиции мы, в числе прочих, опирались на книгу известного американского философа Чарльза Талиаферро «Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней», представляющую собой масштабное исследование истории формирования философии религии в Новое и Новейшее время до наших дней.

Методологической основой такого подхода является реконструкция нравственных антиномий веры и нравственности у русских писателей-мыслителей, а также анализ выявленных нравственных противоречий веры в экзистенциальном ключе у некоторых русских философов.

Научную новизну диссертации составляет:

- анализ веры как феномена нравственного и экзистенциального бытия в русской философии;
- выявление характерного для отечественной философской традиции сближения религиозной, этической и экзистенциальной проблематики;
- акцентирование специфики именно отечественного подхода к восприятию *веры как экзистенциального феномена* в отличие от западноевропейского, у которого, начиная с Кьеркегора, первенство отдается вопросу о соположении веры и экзистенции;
- раскрытие положения о том, что традиционными для русской религиозной философии являлись *апология веры* и *гносеология веры*, а не экзистенциальная рефлексия над самим феноменом веры;
- предположение о тождестве этического и экзистенциального в русской нравственной философии, об этическом как выражении экзистенциального (в традициях западной философии), сделанное впервые;

– анализ нравственных антиномий веры и совести, которые ранее не рассматривались в проблемном аспекте.

Теоретическая значимость диссертации состоит в обогащении этического, религиоведческого и антропологического инструментария, в расширении теоретического понимания духовного синтеза веры и нравственности в контексте отечественной философской традиции, в углублении дальнейших исследований в области определения особенностей русской религиозной философии, что позволяет понять значимость ее построений в контексте постсекулярного общества. Диссертационная работа дает возможность обратиться к этическим и экзистенциальным истокам религиозного опыта, более глубоко понять его значимость в духовно-нравственной структуре человека.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения взаимоотношения религии и морали в широком диапазоне смыслов и значений, в расширении границ понятия религиозного опыта, при разработке исследовательских и учебно-образовательных программ по этике, истории русской религиозной философии, религиоведению, теологии, философской антропологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: Международные Рождественские образовательные чтения (Москва, 2016-2019 гг.); Иоанновские научные чтения» (Москва, 2017-2018 гг.); II Международная интеграционная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной культуры и образования» (27 – 28 марта 2017 г.); III Международная интеграционная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы религиозной культуры» (Москва, 30 марта 2018 г.); Философский симпозиум «Русская философия в России и мире» (Москва, декабрь 2018 г.); Философско-богословский семинар на базе АНО ВО «МПИ св. Иоанна Богослова» (декабрь, 2018 г.); Круглый стол «Вера и совесть» (Москва, май 2019 г.); XVIII Международные Научные Чтения памяти Н.Ф. Федорова. К 190-летию со дня рождения. 5–9 июня 2019 года; Студенческая научная конференция «Сохранение и развитие культурного и образовательного потенциала Ивановской области» (Шуя, 2020); Философский онлайн-клуб «Декамерон» (Москва, июнь, 2020); Философский онлайн-курс «Парадоксальная танатология» (Москва, июнь 2020); XIII Международная научная конференция «Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых» (Москва–Иваново–Шуя, 25 сентября 2020 г.).

Основное содержание диссертации нашло отражение в 11 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Личный вклад автора диссертационной работы состоит в раскрытии антиномий веры и нравственности в контексте духовных исканий русских

писателей и философов; в выявлении новых аспектов в понимании современной «эпохи пустоты»; в определении взаимоотношений веры и совести в русской философии; в выявлении экзистенциальных параметров религиозной веры. Вклад автора также обусловлен определением задач и целей исследования, формулировкой пунктов новизны и положений, выносимых на защиту, идеями и выводами научных статей, пониманием применяемых методов, что позволило дать оригинальную, авторскую интерпретацию взаимоотношений веры и нравственности в отечественной философской культуре.

Положения, выносимые на защиту.

1. В современной культуре наблюдается *расхождение между возрождением религиозности и упадком морали*. Это достаточно парадоксальная ситуация, поскольку в традиционной системе ценностей нет особого противоречия между религией и моралью. Однако сегодня можно наблюдать обратную картину: бесспорное возрождение религиозности в постсекулярную эпоху сопровождается катастрофическим падением нравов, которое отметили практически все выдающиеся мыслители XX столетия.

2. В духовном контексте «эпохи пустоты» произошла трансформация многих традиционных этических категорий, в том числе и категории доверия. Сегодня уместнее говорить о доминирующем на всех уровнях недоверии как некоей аномальной норме. Однако это противоречит корневым нравственным началам человека и никоим образом не может и не должно быть легитимировано. В этой ситуации необходим поиск новых ценностей, которые смогли бы вернуть доверию его прежний статус важнейшего ценностного приоритета для человека. Этика сплочения, вмещающая традиции как западной, так и отечественной философской традиции, могла бы стать такой ценностной основой.

3. В традициях отечественной философской культуры всегда было повышенное внимание к вопросам веры и нравственности. Для древнерусского периода отечественной культуры был характерен духовный синтез веры и нравственности при явном приоритете веры. Петровские преобразования нарушили существовавшую гармонию, в результате чего взаимоотношения веры и нравственности начинают приобретать проблемный и неоднозначный характер. Здесь выделяется фигура Гоголя, который практически первым заметил это явление и попытался его преодолеть в своем творчестве, которое характеризуется все большим отходом от эстетики в религиозную область.

4. Дальнейшее развитие русской философии в отношении вопроса о взаимоотношении веры и нравственности проходит двумя путями. Это путь автономной этики В. С. Соловьева и путь теономной этики Н. О. Лосского. Несколько внеположной этому процессу является позиция Л. Н. Толстого, который напрямую поставил веру в зависимость от нравственного начала, придав религиозности практический характер совершения благих и добрых поступков.

5. Экзистенция и нравственность в русской философии находятся в состоянии очень близкой сопряженности, практически переходя друг в друга. В традициях русской философии нравственность выступает в роли экзистенциального начала, или более конкретно – нравственность и есть экзистенция. В русской философии этический дискурс оказывается окрашен в сильные экзистенциальные тона, вот почему часто тексты русских философов на нравственную тематику воспринимаются как экзистенциальные, и наоборот.

6. Философские и теологические воззрениями на совесть значительно различаются между собой. Несмотря на общее признание высшей значимости совести в структуре нравственного опыта человека, ее универсального характера как «естественного закона», идущее от апостола Павла, принципиально различной является трактовка вопроса об бытийном статусе совести. Прежде всего это проявляется в том, что религиозная философия, полагающая Божественный исток совести, стремится трактовать совесть как автономную от воли, социальной среды, воспитания и природы метафизическую данность. Теологическая же точка зрения детерминирует совесть религиозным опытом, конфессиональной этикой и педагогикой, снижая онтологический статус совести как Божественного органа в человеке. Первичным оказывается религиозный опыт, в котором совесть является лишь инструментом для реализации духовных целей, которые парадоксальным образом могут оказаться по ту сторону совести.

7. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о взаимосвязи совести и веры, чье религиозно-философское единство в наиболее полном виде было раскрыто в русской философской культуре на примере нравственных исканий Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева, С. А. Левицкого. Для этих философов значимым является прежде всего нравственный опыт совести, реализуемый в любви и свободе. Именно он – гарантия религиозного характера моральных ценностей, а не наоборот. Развитие этих аспектов представляется крайне актуальным для современного этического дискурса, поскольку расширяет границы существующих светской и религиозной этик, диалог между которыми становится все более проблемным вне контекста философской рефлексии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, состоящих из шести параграфов, заключения и библиографического списка. Объем диссертационного исследования составляет 134 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обуславливается актуальность темы диссертации, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, раскрываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указаны основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены формы апробации исследования.

В первой главе «Современная культура в поисках экзистенциальных смыслов бытия» раскрывается суть духовной ситуации времени («эры пустоты»), которая проявляется в таких явлениях, как утрата доверия и противоречия между возрождением религиозности и упадком морали.

Параграф 1.1. «"Эра пустоты" как духовная ситуация времени» посвящен анализу нравственных, религиозных, экзистенциальных аспектов современности.

В данном параграфе отмечается, что в современную эпоху нарушен баланс религиозных и моральных ценностей, поскольку сами ценности теряют свою основность. Это, безусловно, свидетельство кризисного состояния и религиозности, и нравственности, которое было многократно осмысленно в философии последнего столетия. Здесь рассматриваются взгляды известного современного чилийского философа-этика Дарио Саласа Соммера, которые он высказал в книге «Мораль XXI века». В этой фундаментальной работе дан глубокий этический анализ *нравственного состояния современного человека* с позиций моральной философии.

Примечательна такая итоговая оценка морального состояния сознания современного человека: «Человечество не обладает истинной этикой и не может следовать морали, потому что обычное поведение людей механистично и импульсивно, а в их программе отсутствуют прочные настоящие этические нормы»¹⁸. Это не голословные утверждения, а простая констатация фактов, которые можно наблюдать вокруг себя в изобилии. По мнению философа, это приводит к тому, что *посредственность* стала нормой, в то время как *не быть посредственностью* – исключением.

Отсутствие «истинной этики» в терминологии Д. Соммера есть показатель «духовного состояния времени». Необходимо отметить, что современность, бросая вызов и вере, и нравственности, в то же время создает условия для более глубокого анализа их взаимоотношения. Можно сказать, что в кризисные эпохи нарушается гармония духовных ценностей, что способствует выявлению новых закономерностей и оснований. Сегодня именно такое время, которое подвергает сомнению устоявшиеся представления о вере и нравственности.

В этом контексте в параграфе рассмотрены некоторые характерные признаки современной «эпохи пустоты». Одним из наиболее часто употребляемых по отношению к современности является слово «кризис». Приводятся мнения современных авторитетных авторов, подтверждающих это (В. М. Межуев, В. Н. Порус, Ю. М. Осипов). Истоки этой ситуации, которая имеет экзистенциальный характер, – в XIX веке, и своими корнями она уходит в известный тезис Ф. Ницше о «смерти Бога». В связи с этим рассматриваются воззрения таких западных мыслителей, как О. Шпенглер, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Н. Аббаньяно, А. Швейцер и др.

Важным источником для понимания экзистенциального кризиса современности являются работы В. Франкла, в центре внимания которого

¹⁸ Соммер Д. Мораль XXI века. М., 2013. С. 40.

проблема утраты людьми смысла жизни. Кроме того, важнейшим показателем такого состояния является также философское творчество писателей, осмысливших опустошенность и растерянность современного человека, бессмысленность его существования, таких как М. Метерлинк, Р. Музиль, Ф. Кафка, Д. Джойс, А. Платонов, С. Беккет, М. Пруст, Д. Фаулз, А. Мердок, Э. Ионеско и др.

В параграфе делается вывод о том, что существующий экзистенциальный кризис, проявленный на всех уровнях культурного и социального бытия, имеет в своей основе нравственные причины. Именно в этом контексте и возникает вопрос о соотношении веры и нравственности, поскольку расшатана фундаментальная основа духовного бытия. Однако это кризисное состояние имеет и свое позитивное значение: появляется необходимость заново поставить вопрос о соотношении морали и религии, который требует переосмысления устоявшихся моделей и выхода на новый уровень. Таким образом, духовный кризис («эпоха пустоты») стимулирует дальнейшую рефлексию над фундаментальными основаниями человеческого бытия.

В параграфе 1.2. «Утрата доверия как показатель нравственного кризиса» отмечается, что одним из наиболее ярких проявлений противоречия между возрождением религиозности в современном мире и повсеместным упадком морали является феномен *утраты доверия*. Поскольку в основании доверия как морального фактора изначально лежит религиозное чувство веры, то это является свидетельством не возрождения религиозности, которое определяется сегодня во многом лишь по внешним показателям, а как раз глубокого религиозного кризиса, то есть *кризиса веры*, за которым кроется нравственный кризис.

В параграфе рассматриваются механизмы утраты доверия в современном обществе. Как этическая категория доверие встраивается в следующий понятийный ряд близкородственных категорий – *вера, верность, достоверность, надежность, искренность, правдивость, сердечность, открытость* и т.д. Семантическое ядро этого поля – «вера» и соответственно «верность», образующие широкий диапазон значений. Об этом свидетельствуют и толковые словари В. И. Даля и С. И. Ожегова и собственно этическая литература на русском языке, начиная с XIX века.

В социально-психологическом плане наличие доверия к другому приводит к чувству уверенности, необходимому в социальной практике, и наоборот, утрата доверия приводит к опустошающему и деструктивному ощущению, неуверенности и соответственно потере и опустошенности. Так или иначе эти понятия концентрируются вокруг наиболее интимных и тонких душевных состояний, которые возможны по отношению к другому человеку. В этом смысле можно сказать, что *этика доверия* является частным случаем такой фундаментальной философской парадигмы современности, как *этика другого*.

В религиозном аспекте понятия «вера», «доверие» и «верность» представляют собой синонимы, которые определяются друг через друга. Как

пишет С. С. Аверинцев, вера – это «личное доверие к Богу» и «личная верность к Богу», отмечая при этом, что «во всех языках, с которыми изначально связано становление теистической религии, вера и "верность", а также "верующий" и "верный" обозначаются соответственно тем же словом»¹⁹. Религиозные и этические смыслы этого концепта достаточно близко соприкасаются друг с другом. Однако есть существенные различия; религиозный концепт доверия в большей степени предполагает раскрытие личностно-эсхатологического измерения человеческого бытия, в то время как этический концепт имеет социальную проекцию.

В некотором роде выражение «этика доверия» избыточно, поскольку, как уже было сказано, само доверие есть одна из важнейших категорий и профессиональной, и индивидуальной, и социальной этики. Но в ситуации, которая рядом виднейших представителей западной философии так или иначе обозначается термином «пустота», есть смысл говорить уже об *этике доверия*, поскольку традиционный аксиологический фундамент этого понятия давно уже размыт. И сейчас можно уже говорить об утрате доверия как некоей *анормальной норме*.

В параграфе анализируется понятие «пустота», которое достаточно точно и исчерпывающе описывает «духовную ситуацию времени», выражаясь словами К. Ясперса. Отмечается, что это понятие формировалось наиболее видными представителями европейской философской и шире – духовно-интеллектуальной и культурной традиции, в числе которых Ф. Ницше, Т. Манн, Г. Гессе, Й. Хейзинга, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. Липовецки, Ю. Кристева, П. Слотердаик и др. Но само понятие «эпоха пустоты» (The Age of Nothing) принадлежит британскому исследователю Питеру Уотсону, автору одноименной книги. Проанализировав огромный исторический период, начавшийся в середине XIX века и продолжающийся и поныне, он пишет, что «под подозрением оказалась и сама идея единства – не только личности, но и вселенной, космоса – так что понятия метафизики, трансцендентальности и даже самого бога теперь окрашены для нас оттенками фрагментации и распада»²⁰.

Это положение вещей в другой терминологии носит название «*ситуация постмодерна*», однако здесь дано более точное указание на особенности, связанные с «духовной пустотой», – это распад и фрагментация. Во многом идеи Уотсона, его многомерные реконструкции и описания «эпохи пустоты» перекликаются с описаниями «духовной ситуации времени» у Ясперса. Но разница существенна; если Ясперс видит опасность в «духовной гибели» и весьма критически анализирует сложившееся положение вещей, то Уотсон его легитимирует, стараясь оправдать новый неметафизический стиль жизни не только как приемлемый, но и как наиболее счастливый.

В параграфе предлагается альтернативный состоянию «эпохи пустоты» подход, основанный на «этике сплочения». В качестве моделей такой этики

¹⁹ Аверинцев С.С. Вера // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 380.

²⁰ Уотсон П. Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из всего этого вышло. М., 2017. С. 700.

предлагается *этика сострадания Шопенгауэра* как вариант нехристианской метафизики; *солидаризм* как этико-социальная программа; «*интегральный гуманизм*» Ж. Маритена; «*философская вера*» К. Ясперса как практика гуманизации мирового порядка, направленная на обретение истинного смысла жизни; это, в конце концов, *этика благоговения перед жизнью А. Швейцера*, в которой явно прозвучало альтернативное духовное воззвание самоуспокоенной «пустоте» как наличному образу жизни, и «*этика товарищества*» Андрея Платонова, с одной стороны, основывающаяся на христианских идеях Николая Федорова, а с другой – коренящаяся в основополагающих константах русской духовной ментальности – в особом чувстве *онтологического сиротства*, то есть бездомности, оставленности, покинутости, неприютности.

Делается вывод о том, что в духовном контексте «эпохи пустоты» произошла трансформация многих традиционных этических категорий, в том числе и категории доверия. Сегодня уместнее говорить о доминирующем на всех уровнях недоверии как некоей аномальной норме. Однако это противоречит корневым нравственным началам человека и никоим образом не может и не должно быть легитимировано. В этой ситуации необходим поиск новых ценностей, которые смогли бы вернуть доверию его прежний статус важнейшего ценностного приоритета для человека. Этика сплочения, вмещающая традиции как западной, так и отечественной философской традиции, могла бы стать такой ценностной основой.

В параграфе 1.3. «*Противоречие между возрождением религиозности и упадком морали*» говорится о том, что несовпадение религиозности и моральности является в некотором смысле общим местом в философском дискурсе. Здесь ставится задача отыскать корни этого явления.

Отмечается, что в XIX веке произошли фундаментальные изменения в духовной сфере, среди которых можно отметить *поворот от схоластики к экзистенции* и в западной, и в российской философии. В результате этого поворота отошел в тень вопрос о вере и разуме, и на первый план выдвинулся вопрос о *вере и экзистенции* (западная философия) и о *вере и совести* (русская философия). И западная, и русская философии обратились к теме человека в его экзистенциальной открытости. Это привело к тому, что на смену прежним вопросам о бытии Бога и бессмертии души приходят проблемы соотношения веры и нравственности, веры и совести. В этом контексте рассматриваются взгляды С. Кьеркегора, П. Тиллиха, Г. Гадамера, К. Ясперса, Х. Арндт.

Сегодня наблюдается *расхождение между возрождением религиозности и упадком морали*. Это достаточно парадоксальная ситуация, поскольку в традиционной системе ценностей нет особого противоречия между религией и моралью. Однако сегодня можно наблюдать обратную картину: бесспорное возрождение религиозности в постсекулярную эпоху сопровождается катастрофическим падением нравов, которое отметили практически все выдающиеся мыслители XX столетия. В этом контексте рассматривается коллективная монография «Возможна ли нравственность,

независимая от религии?» Историческим прецедентом для этого начинания выступила просьба к Л. Н. Толстому ответить на вопросы: «Что такое религия?» и «Возможна ли религия, независимая от нравственности?». С этой просьбой к нему обратился профессор Берлинского университета Г. Гижицкий от имени журнала «За этическую культуру». Толстой ответил на нее трактатом «Религия и нравственность» (1893), который значим и сегодня. В вышедшей монографии собран богатый материал относительно современного понимания этого вопроса (А. А. Гусейнов, В. А. Бачинин, И. В. Вишев, А. Е. Зимбули и др.).

Для более точного прояснения смысла этики в контексте ее конфронтации с религией рассматриваются различные воззрения на природу нравственного сознания, в том числе взгляды Аристотеля на природу и сущность этики. Кроме того, исследуются точки зрения таких авторов, как В. Виндельбандт, В. Вундт, А. Бадью, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. С. Аверинцев, О. Седакова и др.

В параграфе делается вывод о том, что сегодня налицо конфронтация *автономной этики* в таких разновидностях ее, как светская, или гуманистическая, этика и *христианской этики*. Радикализм последней, как следует из логики Бонхеффера, исходит из прямой «Божьей воли» и не обусловлен никаким человеческом посредничестве, в том числе и совестью. Сама же способность разграничивать добро и зло, то есть этика, появляется в результате того, что человек полагает центр утверждения в себе, а не в Боге. Если он в Боге, то не может быть и этических разграничений, которые, появляясь в результате грехопадения, свидетельствуют лишь о поврежденной человеческой природе, а не о свободе.

Вторая глава «Модусы взаимодействия веры и нравственности в русской философии» посвящена исследованию таких вопросов, как становление автономной этики в России, вера как экзистенциальная проблема и феномен совести.

В параграфе 2.1. «Нравственность и вера: становление автономной этики в России» вопросы взаимоотношения нравственности и веры рассматриваются в контексте определения специфики русской философии. Сегодня они не потеряли своей актуальности и значимости.

Отмечается, что наибольшее распространение получил взгляд на русскую философию как на религиозную философию. Такая точка зрения коренится в широко распространенном воззрении, которое было озвучено в классический период русской философии. Многие представители в той или мере придерживались его, сами являясь выразителями религиозной мысли. Она, конечно, не всегда соответствовала догматическому и церковному пониманию религии, но все же была глубоко религиозной, укорененной в стихии христианского вероучения. Здесь нужно привести такие имена, как А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк, И. А. Ильин, А. Ф. Лосев и многие другие.

Именно эти философы сформировали христианскую парадигму русской философии, которая стала во многом ее «визитной карточкой». В этом контексте весьма примечательным является сборник «Русская религиозно-философская мысль XX века», составленный известным деятелем эмиграции Н. П. Полторацким. Он включает 35 статей 26 авторов, среди которых такие как В. Вейдле, Н. Арсеньев, Н. Зернов, Дж. Л. Клайн, С. Левицкий, Ю. Иваск, В. Зеньковский, Б. Филиппов и др.

Достаточно однозначно вопрос о соотношении веры и нравственности решается выдающимся русским религиозным философом С. Н. Булгаковым, который в книге «Свет невечерний» резюмировал: «нравственность коренится в религии»²¹. Соответственно *апологетика христианского вероучения* предстает как важнейшая задача, определившая дух и стиль русской философии, которому соответствует определенный тип *религиозной нравственности*. Он представлен достаточно широко – это всеобщая нравственность в христианской философии П. Я. Чаадаева, нравственно-богословские искания Н. В. Гоголя, православно-христианское учение о нравственности митр. Антония (Храповицкого), литургическая этика П. А. Флоренского, религиозно-этическая антропология В. И. Несмелова, этика творчества Н. А. Бердяева, теономная этика любви Н. О. Лосского, этика христианского реализма С. Л. Франка, этика сердца И. А. Ильина, этика веры А. Ф. Лосева и др.

При этом в параграфе отмечается, что вопрос о соотношении веры и нравственности в русской философии носит противоречивый и неоднозначный характер. В начале XIX века в России стала появляться самобытная философия, и этот вопрос стал центральным и определяющим. Это произошло из-за того, что изменился общий духовный фон культуры; процессы секуляризации, которые стали набирать обороты, проблематизировали многие ранее казавшиеся незыблемыми устои. На эти процессы стали реагировать прежде всего отечественные поэты и писатели, которые почувствовали отсутствие прочного духовного фундамента существующей культуры. Здесь и Д. А. Веневитинов, и А. С. Пушкин, и В. Ф. Одоевский, и Н. В. Гоголь. Именно последний, по словам В. В. Зеньковского, сильнее других почувствовал расхождение эстетической и моральной сферы, за которым кроется фатальное распадение классической триады Истины, Добра и Красоты. Именно Гоголь одним из первых русских мыслителей понял *проблемный характер взаимоотношения веры и нравственности* и предпринял конкретные шаги по преодолению этого.

Значительное продолжение этой темы можно найти в трудах многих русских философов, но более всего, с нашей точки зрения, она раскрыта у В. С. Соловьева в книге «Оправдание добра», у Н. Ф. Федорова в его «философии общего дела», у Н. О. Лосского в книге «Условия абсолютного добра» и у Л. Н. Толстого в его «Пути жизни». В параграфе подробно рассматриваются воззрения этих авторов.

²¹ Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 45.

Много рассуждений о вере и нравственности, выдержанных в духе и автономной этики В. С. Соловьева, и теономной этики Н. О. Лосского, можно найти у С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Л. Шестова, И. А. Ильина и др. Все они так или иначе исходят из приоритета духовных ценностей в структуре человеческого бытия. Это является значительным отличием от западноевропейских философов, у которых представлен несколько иной взгляд.

В параграфе обосновывается идея о том, что главный труд В. С. Соловьева по нравственной философии «Оправдание добра», который, по словам Н. Я. Грота, явился «первой этической системой» в русской философии, является, по сути дела, первым опытом построения *автономной этики* в традициях отечественной философии. В. С. Соловьев постулирует *абсолютность добра* и соответственно *независимость нравственных начал от религии и метафизики*. Как отмечает исследователь истории русской этики В. Н. Назаров, объясняя критику в адрес В. С. Соловьева по поводу его акцентуации автономии добра: «Соловьев не видит необходимости специально доказывать теономность добра. Добро для него имманентно теономно, самоочевидно и естественно теономно. А вот автономию добра он действительно считает необходимым доказать, чтобы не растворить его в религиозных и метафизических сферах и не подорвать тем самым антропологические корни»²². Исследователь называет нравственную философию В. С. Соловьева «теономией добра» или Богочеловеческой этикой, показывая ее сущностные отличия как от гуманистического категорического императива Канта, так и от чистой теономии Кьеркегора.

В параграфе также рассматриваются идеи Э. Л. Радлова, высказанные в его «Этике», в которой он, во многом следуя за В. С. Соловьевым, утверждает приоритет независимого нравственного начала.

Особое место в становлении автономной этики имеют воззрения М. Безобразовой, которые анализируются в данном параграфе. Отмечается, что в вопросе о соотношении веры и нравственности М. Безобразова в большей мере расходится с Ф. М. Достоевским, нежели с Л. Н. Толстым. Особенно сильно нравственная проблематика звучит у А. И. Герцена в цикле его статей под общим названием «Капризы и раздумья». Истоки автономной этики также усматриваются в философии Г. Сковороды, у которого обнаруживаются глубокая связь антропологизма и морализма и соответственно первые основы для нравственной автономии. В этом контексте приводятся взгляды В. Ф. Эрна на философию Сковороды.

Отмечается, что важным этапом становления автономной этики и критической философии в России были Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов и заседания Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге в 1907–1917 годах, на которых ставились острые вопросы о взаимоотношении Церкви и культуры, христианства и мира, веры и разума, веры и нравственности. В этом контексте рассматривается доклад

²² Назаров В.Н. История русской этики. М. 2006. С. 127–128.

В. В. Розанова «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания», в котором проблематизируются взаимоотношения между верой и нравственностью.

В советский и постсоветский периоды продолжилась традиция анализа религиозных вопросов морали и моральных вопросов религии. Здесь нужно назвать такие имена, как В. Н. Шердаков, Л. Н. Митрохин, Я. А. Мильнер-Иринин, А. А. Гусейнов, В. И. Кураев, В. П. Фетисов, Л. А. Маркова, В. Н. Назаров, В. А. Бачинин, А. А. Скворцов и др.

Делается вывод о том, что в традициях отечественной философской культуры всегда было повышенное внимание к вопросам веры и нравственности. Для древнерусского периода отечественной культуры был характерен духовный синтез веры и нравственности при явном приоритете веры. Петровские преобразования нарушили существовавшую гармонию, в результате чего взаимоотношения веры и нравственности начинают приобретать проблемный и неоднозначный характер. Здесь выделяется фигура Гоголя, который практически первым заметил это явление и попытался его преодолеть в своем творчестве, которое характеризуется все большим отходом от эстетики в религиозную область.

Дальнейшее развитие русской философии в отношении вопроса о взаимоотношении веры и нравственности проходит двумя путями. Это путь автономной этики В. С. Соловьева и путь теонормативной этики Н. О. Лосского. Несколько внеположной этому процессу является позиция Л. Н. Толстого, который напрямую поставил веру в зависимость от нравственного начала, придав религиозности практический характер совершения благих и добрых поступков. Своеобразное и в то же время укорененное в традициях русской философии продолжение мыслей Толстого можно найти в построениях М. В. Безобразовой о «чистой нравственности», в которых религия трактуется как «подпорка нравственности».

В параграфе 2.2. «*Вера как экзистенциальная проблема*» отмечается, что традиционной для русской религиозной философии являлась *апология веры, гносеология веры*, а не *экзистенциальная рефлексия* над самим феноменом веры. Однако в XIX веке русская философия обратилась к проблемным вопросам человеческого бытия. До этого периода само содержание веры никогда не подвергалось философской рефлексии с присущими ей скепсисом, сомнением и вопрошанием, но было воспринимательно сообразно с канонами церковного благочестия, предполагавшего более всего смирение. Богатый материал относительно традиций древнерусской книжности можно обнаружить в словаре Митрополита Евгения (Болховитинова)²³, в котором явно прослеживается ее учительская составляющая, не выходящая за пределы церковного понимания основных истин человеческого бытия.

²³ Болховитинов Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.: Русский двор, 1995. 416 с.

Только в философии славянофилов, прежде всего у А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, появляется философская разработка содержания понятия веры, причем религиозной веры, наиболее истинная форма которой существует только в церковных пределах. Основная проблематика этого направления состоит в анализе возможностей разума понять, принять и выразить «религиозный опыт», в поиске путей примирения разума и веры, идеалом чего выступает «верующий разум». Философская мысль здесь сосредоточена на критике рационализма как ведущей формы западной философии. При этом важно отметить, что именно западные философы, прежде всего Шеллинг, оказали наиболее серьезное влияние на становление русской самобытной философии.

В. С. Соловьев внес новую струю в этот процесс, попытавшись придать религиозной истине форму разумного мышления, что предполагало синтез религии, философии и науки. Философия синтеза также имеет глубокую укорененность в традициях западной философии, но в контексте русской культуры она прозвучала впервые с особой силой именно у В. С. Соловьева. Дальнейшая разработка феномена веры в трудах классиков русской религиозной философии (Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина и др.) сущностно не отличалась от изначального импульса, заданного славянофилами, и выступала в качестве теоретического обоснования гносеологического статуса веры, феноменологического анализа «религиозного опыта», выявления отличий религиозной веры от иных форм духовного бытия человека, защиты истинности христианского вероучения перед лицом материалистической идеологии и т.д.

Вера как экзистенциальная проблема возникает изначально в контексте религиозной философии, но уже существенно от нее отличаясь. У писателей-мыслителей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова происходит проблематизация веры с нравственных позиций. Важная роль здесь принадлежит также Н. А. Бердяеву, В. В. Розанову и Л. Шестову, для которых вера имеет экзистенциальный смысл, предполагающий определенный трагизм в плане ее воплощения в жизненную реальность.

Воззрения этих авторов подробно анализируются в параграфе, на основании чего делается следующий вывод. Рассмотрев некоторые тексты русских писателей и философов, мы могли убедиться в том, что для отечественной философской традиции характерно сближение религиозной, этической и экзистенциальной проблематики. Это наиболее очевидно, когда раскрываются *экзистенциальные аспекты веры*. Прежде всего это вера, основанная не на традиционной обрядовой религиозности, но вера, столкнувшаяся с жизненным трагизмом, который и становится для нее важнейшим экзистенциальным испытанием. Здесь намечен переход от традиционной апологии веры и ее гносеологического обоснования для процесса познания в сторону экзистенциальной значимости для конкретного личного бытия человека, который ощущает тревогу существования и испытывает страх и ужас смерти.

Такая постановка вопроса стала возможной лишь с «открытия экзистенции», совершенного Ф. М. Достоевским. Предельные с точки зрения этики ситуации, в которые попадают герои Достоевского, есть экзистенциальный предел, в котором происходит испытание веры. У Л. Н. Толстого несколько иные задачи, связанные с преодолением ужаса смерти нравственной силой любви. Но это также можно трактовать как экзистенциальное испытание веры, которая проходит через самый страшный и мучительный опыт – опыт смерти. А. П. Чехов в некоторой степени радикализует те «ужасы жизни», о которых говорит Достоевский. В его творчестве вера проходит испытание не только через сомнения, но и через трагический опыт жизни, в котором и утрата веры священнослужителем («Архиерей»), и чудовищная гибель невинного младенца («В овраге»).

Философия В. В. Розанова и Л. Шестова направлена на истолкование экзистенциального опыта веры, однако не в традициях академической, то есть рационалистической философии, а в экзистенциальном стиле письма. Тем самым эти философы выбирают наиболее адекватный (экзистенциальный) философский язык для рефлексии над верой, показывая, таким образом, экзистенциальную сущность веры.

В заключительном **параграфе 2.3. «Феномен совести: религиозно-нравственные противоречия личности»** отмечается, что сегодня особую значимость приобретает вопрос о *взаимосвязи совести и веры*, который одновременно имеет и религиозное, и нравственное измерение.

В параграфе отмечается, что религиозно-философское единство в понимании совести в наиболее полном виде было раскрыто в русской философской культуре. Большой интерес в этом плане представляет позиция Л. Н. Толстого, для которого совесть и душа связаны глубинным нравственным единством. Известный исследователь его философии Е. Д. Мелешко трактует это так: «Толстой пытается определить совесть вполне в метафизическом духе: как высшую ступень сознания связи человека со всеобщим духовным началом... Совесть и есть сознание всеобщего духовного начала, Бога. Тем самым Толстой делает первый шаг к переходу от сознания души к сознанию того, от чего душа человека отделена – к осознанию Бога, приоткрывающемуся через "голос совести". Вторым же шагом является осознание "единой души во всех"»²⁴.

В то же время соотношение веры и совести – это именно проблема, особенно свойственная современному периоду, проблема, требующая философской аналитики прежде всего. Для раскрытия этого положения идет обращение к работе В. Малахова «Вера при свете совести», в которой вера подвергается совестной рефлексии.

Для всестороннего исследования феномена совести реконструируются некоторые важные пласты европейской религиозно-философской истории. Важное место здесь занимает статья В. Н. Ярхо «Была ли у древних греков совесть?», в которой выражена радикальная точка зрения на этот вопрос.

²⁴ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М.: Наука, 2006. С. 16.

Автор пишет: «... феномен совести, начавший привлекать к себе в конце V в. внимание греческих философов и ораторов, не оказал сколько-нибудь существенного воздействия на художественное мышление афинских трагиков»²⁵. В этом свете рассматриваются воззрения апостола Павла, который понимает *совесть* как *естественный закон*, и Августина Аврелия, у которого представлено теологическое значение совести для пробуждения своего собственного внутреннего мира (духовного «Я»). Кроме того, рассматриваются воззрения на совесть некоторых авторитетных христианских авторов, в том числе Иоанна Лествичника, Игнатия Брянчанинова и современного православного богослова архимандрита Платона. В воззрениях этих авторов совесть представляет собой нечто вторичное по отношению к вере.

Иной взгляд на совесть представлен у русских мыслителей и писателей. В параграфе анализируются воззрения Н. А. Бердяева, С. А. Левицкого, В. М. Шукшина. Отмечается, что *дискурс совести* связан с *дискурсом правды* – еще одним важнейшим элементом нравственной философии. Апелляция к правде означает обращение к предельной истине, к моральному абсолюту, который является высшим оправданием и достоверностью чего бы то ни было. Кроме того, данное понятие играет важную роль в конструировании предметного поля русской философии, во многом позволяющем прояснить ее специфику.

Среди многих вопросов нравственной философии поиск и стремление к правде можно считать главной чертой, свойственной именно русскому философскому этосу. Этим отмечены высшие достижения русской литературы и философии, а точнее философической литературы, среди которых произведения Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Платонова, среди более современных авторов – Василий Шукшин, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Олег Павлов. В каком-то смысле нравственный поиск правды в русской философии эквивалентен по силе и распространению онто-гносеологическому поиску истины в западноевропейской. При том, что и гносеологические интенции также свойственны русской философии, а нравственные искания – западной. Речь лишь идет об определяющей традиции.

Поиск правды предполагает нахождение прежде всего морального абсолюта. Иными словами, правда – это нравственная истина абсолютного характера, обладающая наибольшей чистотой. И здесь мы наталкиваемся на одну очень значительную проблему, связанную именно с этим аспектом русского характера и соответственно русской философии. Речь идет о таком негативном свойстве, как морализм (или морализаторство), которое очень часто подменяет собой правдолюбие. Грань между этими явлениями достаточно тонкая, и часто они смешиваются и в практической жизни, и в теоретическом плане. В этом контексте большую значимость имеет статья

²⁵ Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) // Античность и современность. М., 1972. С. 262.

Шукшина «Нравственность есть Правда», которая анализируется в данном параграфе.

В результате делаются следующие выводы. Правда и справедливость – это и «корневое русло жизни» и «кровный закон», иначе, нравственный закон, который сформулирован в таких словах писателя. Здесь в полной мере выражена фундаментальная установка русской литературы – установка правдолюбия, которая достигается не замалчиванием «мрачных подвалов» и не дидактизмом, то есть морализаторством, а раскрытием всех нелицеприятных сторон жизни человека, всех, по слову Л. Шестова, «ужасов жизни». Это само по себе оказывает «врачевание», то есть нравственное преображение души человека. Именно в этом смысле можно говорить о «правдолюбии» как этико-философском и нравственном субстрате русской литературы.

Несмотря на общее признание высшей значимости совести в структуре нравственного опыта человека, ее универсального характера как «естественного закона», идущее от апостола Павла, принципиально различной является трактовка вопроса об бытийном статусе совести. Прежде всего это проявляется в том, что религиозная философия, полагающая Божественный исток совести, стремится трактовать совесть как автономную от воли, социальной среды, воспитания и природы метафизическую данность. Теологическая же точка зрения детерминирует совесть религиозным опытом, конфессиональной этикой и педагогикой, снижая онтологический статус совести как Божественного органа в человеке. Первичным оказывается религиозный опыт, в котором совесть является лишь инструментом для реализации духовных целей, которые парадоксальным образом могут оказаться по ту сторону совести.

В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о взаимосвязи совести и веры, чье религиозно-философское единство в наиболее полном виде было раскрыто в русской философской культуре на примере нравственных исканий Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева, С. А. Левицкого. Для этих философов значимым является прежде всего нравственный опыт совести, реализуемый в любви и свободе. Именно он – гарантия религиозного характера моральных ценностей, а не наоборот. Развитие этих аспектов представляется крайне актуальным для современного этического дискурса, поскольку расширяет границы существующих светской и религиозной этик, диалог между которыми становится все более проблемным вне контекста философской рефлексии.

Заключение. Для того чтобы раскрыть сущность взаимоотношений веры и нравственности, имеющих место в отечественной философской культуре, в своей работе мы прежде всего исследовали истоки духовного кризиса современной культуры, которые кроются в экзистенциальных измерениях человеческого бытия. В диссертации обосновывается идея о том, что экзистенциальный вакуум имеет моральные причины. Для подтверждения этого тезиса совершается философский экскурс в историю западной мысли к идеям Ф. Ницше, О. Шпенглера, Й. Хейзинги, Х. Ортеги-и-

Гассета, М. Хайдеггера, А. Швейцера и А. Аббаньяно, между которыми обнаруживается смысловая преемственность. Реконструкция идей этих философов помогает более точно осознать причины современного экзистенциального кризиса.

В работе делается вывод о том, что существующий экзистенциальный кризис, проявленный на всех уровнях культурного и социального бытия, имеет в своей основе нравственные причины.

Дальнейший ход исследования привел нас к необходимости анализа становления этики как практической философии в истории европейской философской культуры. Выявлено изначальное тождество этики, религии и философии, берущее начало в античности. Выделены основные характеристики этического знания, связанные в том числе с христианскими идеями творчества и спасения человека. Органическая связь этики и философии в контексте христианской традиции раскрывает духовный характер и метафизическую ценность этики. Это значимо в контексте современной философии, когда этика приобретает инструментальной и прикладной характер.

В работе раскрывается противоречивый и неоднозначный характер вопроса о соотношении веры и нравственности в русской философии. Показано, что это главный вопрос русской философии, которую одновременно считают и религиозной, и этикоцентричной. В традициях отечественной философской культуры отчетливо выявляются несколько позиций в вопросе о соотношении веры и нравственности. Это теонормативная этика, утверждающая приоритет веры, и автономная этика, утверждающая приоритет нравственности. При этом важным является, что и та, и другая позиция видят в человеке существо, способное к неограниченному духовно-нравственному росту. Это может считаться отличительной чертой русской философии.

В диссертации рассматриваются различные формы взаимоотношения веры и нравственности в контексте становления автономной этики в русской философии. Показаны различные решения этого вопроса – от отождествления веры и нравственности в богословском контексте до полного их противопоставления в секулярном. Особенность русской философии в том, что она, избегая крайностей абсолютизации, показала прежде всего проблемность и важность этого вопроса для духовного бытия человека. Такая постановка вопроса актуальна и в современной ситуации.

Значительное место в работе занимает рассмотрение феномена веры в контексте отечественной литературы и философии. Показано, что в традициях русской философской культуры, в том числе и религиозной философии, вера является не только феноменом религиозного сознания, предметом для теологии, но и экзистенциальной проблемой, в которой раскрывается противоречивый, драматический и трагический характер человеческого бытия. Особенность русской философии в том, что в ней часто нравственные искания имеют глубокий экзистенциальный смысл. Это отличает ее от аристотелевского этического дискурса, характерного для

западной философии. Материалом для исследования выступают тексты Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. В. Розанова и Л. Шестова.

В заключительной части работы рассматриваются философские и теологические воззрения на совесть, в которых обнаруживаются существенные различия. Несмотря на общее признание высшей значимости совести в структуре нравственного опыта человека, ее универсального характера, принципиально различной является трактовка вопроса об онтологическом статусе совести. Теологическая точка зрения детерминирует совесть религиозным опытом, конфессиональной этикой и педагогикой, в то время как философия стремится к раскрытию автономного характера совести. Показано, что в этом контексте особую значимость приобретает вопрос о взаимосвязи совести и веры, чье религиозно-философское единство в наиболее полном виде было раскрыто в русской философской культуре.

В целом русской философии принадлежит большая заслуга в разработке темы взаимоотношения веры и нравственности, которая решается иным путем, нежели это происходило в западной философии. Даже отделяя нравственность от религиозного начала, русская философия сохраняет статус человека как духовного существа, чей ценностный горизонт определяется устремленностью к абсолютным началам бытия.

Один из главных выводов работы заключается в том, что вопрос о взаимоотношении веры и нравственности является одним из главных в русской философии, определяющим ее специфичность, проявленную в том числе и в таких ее типологических характеристиках, как «религиозность» и «этикоцентричность». Часто эти два начала совпадают, особенно в богословском контексте. Но с развитием автономной этики (прежде всего у В. С. Соловьева, а затем у Э. Л. Радлова) возник особый контекст, в котором вопросы религиозной веры стали подвергаться моральной оценке. С одной стороны, это связано с процессами секуляризации, а с другой – с развитием «нравственной свободы», на недостаток которой в России особенно указывал А. И. Герцен.

В этом плане развитие русской философии, в центре которой вопросы взаимодействия веры и нравственности, можно разделить на несколько периодов. Первый, синтетический, когда вера и нравственность совпадают в единой структуре религиозного опыта. Это *допетровский период* отечественной духовной культуры. Затем наступает *период критики религиозного сознания* со стороны секулярно настроенных мыслителей, ответом на что является нравственное оправдание богословия со стороны славянофилов. И *третий период* связан с появлением собственно нравственной рефлексии над «проклятыми вопросами» бытия. Здесь первенство принадлежит прежде всего Ф. М. Достоевскому, но также у Л. Н. Толстого и А. П. Чехова имеет место углубление данной тематики. Здесь рассматриваются проблемы человеческого бытия, в том числе и проблемы веры в нравственном свете совести.

Современность входит в новую фазу взаимоотношений веры и нравственности, обусловленной сложившейся духовной ситуацией, которая предполагает опору на предшествующие философские традиции рассмотрения этого вопроса.

Основные положения диссертационного исследования отражены в ряде публикаций автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ:

1. Хватова М.Б. Модусы взаимодействия веры и нравственности в русской философии // Известия Тульского государственного университета. – 2019. – Вып. 1. – С. 104–114.
2. Хватова М.Б. Вера как экзистенциальная проблема в русской философии // Манускрипт. – 2019. – Вып. 9. – Т. 12. – С. 95–100.
3. Хватова М.Б. Феномен совести: нравственно-религиозные противоречия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2019. – Вып. III (31). – С. 229–241.

Статьи в других изданиях:

4. Хватова М.Б. Проблемы соотношения веры и нравственности в отечественной философской традиции // Заметки ученого. Научно-практический журнал. – 2019. – № 1. С. 85–93.
5. Хватова М.Б. Единство этики, религии и философии в традициях европейской философской культуры // Аспирант. Научно-практический журнал. – 2019. – № 3 – С. 74–76.
6. Хватова М.Б. Современная культура в поисках экзистенциальных смыслов бытия // Евразийский Союз Ученых. Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 1 (58). – Ч. 4. – С. 31–34.
7. Хватова М.Б. Русская философия и литература: правдолюбие contra морализм // Research-science. Ежемесячный международный научный журнал. – 2019. – № 5. – С. 30–33.
8. Хватова М.Б. Утрата доверия как показатель нравственного кризиса // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – Вып. 2 (22). – С. 171–175.
9. Хватова М.Б. Вопросы духовного бытия человека в современном образовании // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: сб. материалов науч.-практ. конф. – Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. – С. 200–202.
10. Хватова М.Б. Возрождение религиозности и упадок морали: противоречия «эпохи пустоты» // Научный поиск. – 2020. – № 1 (35). – С. 43–45.
11. Хватова М. Б. Феномен веры: нравственно-религиозные аспекты // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы XIII Международной научной конференции, Москва–Иваново–Шуя, 25 сентября 2020 г. / отв. ред. А.А. Червова. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-т, 2020. С.217-219.